

Земцы: эволюция социального статуса и отношений собственности в XV—XVI вв.

Владимир Аракчеев

«*Zemtsy*»: evolution of social status and property relations
in 15th—16th centuries

Vladimir Arakcheev

(Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010773-1

История земцев (своеземцев) — непривилегированных свободных землеладельцев в России XV—XVI вв. — до настоящего времени содержит множество лакун и противоречий. Исследователи довольно рано оценили новгородские писцовые книги как выдающийся по полноте источник сведений о земцах, и ещё в начале XX в. в статье Е.З. Вулих этот феномен был подвергнут предметному анализу¹. В дальнейшем изучении землевладения мелких вотчинников особую роль сыграла концепция С.Б. Веселовского, подкреплённая его непререкаемым авторитетом. Два ключевых пункта теории Веселовского, вопреки свойственной этому исследователю фундированности, не покоились на однозначных показаниях источников. Учёный опирался на акты Калязинского и Кирилло-Белозерского монастырей, показывавшие как процесс измельчания и деградации местных мелких вотчинников, так и единичные факты превращения в них холопов-землевладельцев².

Веселовский предположил, что вотчины своеземцев были невелики, их хозяева не могли нести военную службу и не пользовались податным и судебным иммунитетом, свойственным вотчинам бояр и вольных слуг князя. Мелкие вотчинники, по Веселовскому, происходили из числа обречённых на обезземеление и деградацию отдельных ветвей боярских родов, представляя собой, по сути, «отбросы класса служилых вотчинников». Исследователь считал, что «в виде исключения» мелкие вотчинники могли появляться и из числа великокняжеских крестьян³.

В исследовании генезиса мелкой вотчины российские историки 1960—1980-х гг. исходили из «марковой теории». В соответствии с нею крестьяне-общинники владели участками земли, «являвшимися собственностью владельца, который может им распоряжаться по усмотрению», и в то же время они частично принадлежали волостной общине. Ю.Г. Алексеев, как и его коллеги, считал уместным применение к этим владениям термина «аллод». Такое мелкое крестьянское владение, по мнению исследователя, «вырастает на почве разлагающейся волости и проявляет тенденцию перерасти в феодальную собственность»⁴. Это «перерастание», как считал Алексеев, происходило путём

© 2020 г. В.А. Аракчеев

¹ Вулих Е.З. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Июль. С. 101—167.

² Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936. С. 59—68.

³ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 203—208.

⁴ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история северо-восточной Руси XV—XVI вв. Л., 1966. С. 23, 50.

«разложения волости в силу причин социально-экономического характера» и её «окняжения» в результате появления «условного владения мелкого княжого слуги». По мнению исследователя, такой слуга пока не является «настоящим феодалом», но «превращается» в него, получив «юридический статус феодала»⁵. Сходная концепция была представлена А.Л. Хорошкевич на материалах полоцких грамот. Исследовательница определила полоцких «земян» как крестьян-аллодистов, чья собственность трансформировалась в «феодалное владение», подобно английскому фолькленду, этимология названия которого тождественна этимологии слова «земьяне»⁶.

А.И. Копанев и А.Л. Шапиро выявили множество владений своеземцев на Двине, описанных в платёжной книге 1560 г. Их статус определяется частными актами первой половины XVI в., где они (Амосовы, Леонтьевы, Ленковы, Шуйгины) фигурируют как крестьяне Двинского уезда⁷. Копанев предположил, что своеземцы Поморья были потомками двинских бояр — местной землевладельческой элиты, которая не получала землю в качестве пожалования от Новгородского государства, а «сколачивала земельные богатства своей инициативой и коштом». На примере поземельных сделок своеземцев Емецких 1530—1590-х гг. исследователь показал крестьянский характер владений этого рода в XVI в., выразившийся в том, что их земли отчуждались волостным крестьянам и подвергались волостному разубу и тяглу наравне с крестьянскими⁸. Материалы опубликованной Копаневым платёжной книги позволяют говорить о социальном тождестве терминов «земец» и «своеземец» в поморских землях: в книге описаны как «дворы своеземцевы» на посадах в Уне и Луде, так и «деревни земцев» Алексея Амосова и Ивана Леонтьева⁹.

Землевладение новгородских своеземцев в конце XV — начале XVI в. подверг статистическому исследованию Т.И. Осьминский, выделивший их группы в зависимости от размеров владения и показавший состав населения их волосток¹⁰. Путь эволюции мелкой вотчины в форму служилого землевладения изучен Алексеевым на материалах Водской пятины XVI в. Исследователь фиксировал изменение статуса земцев с середины XVI в.: лишь в писцовой книге 1569 г. появились, по его мнению, зримые факты их «превращения» в служилых людей, не отличающихся от помещиков. В то же время он констатировал факт сохранения «старой земецкой вотчины» на территории Корельского уезда¹¹.

В работах В.Л. Янина сформулирована концепция происхождения своеземческих вотчин от землевладения «житых людей». Поскольку в ходе реконструкций генеалогии своеземцев Янин работал главным образом с двинскими актами, из его монографии естественным образом вытекал вывод о своеобразной изолированности двинских своеземцев от своеземцев новгородских пятин. На основе анализа генеалогий своеземцев Мартемьяновых исследователь пришёл к категорическому выводу, что эта семья «не владела во времена новгородской независимости землями за пределами двинской волости, не име-

⁵ Там же. С. 50—51.

⁶ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 2. М., 2015. С. 398.

⁷ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 72.

⁸ Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 36, 79—82, 103—105.

⁹ Копанев А.И. Платёжная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970. С. 519—536.

¹⁰ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. С. 337—341.

¹¹ Аграрная история Северо-Запада России. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 156.

ла никаких дворов в Новгороде»¹². Однако Ю.С. Васильев, А.И. Копанев и В.Ф. Андреев убедительно доказали факт владения Фёдоровыми волостками в Покровском Озерецком и Покровском Дятелинском погостах Копорского уезда Водской пятины¹³. Следовательно, своеземцы рубежа XV—XVI вв., в изобилии фиксировавшиеся новгородскими писцовыми книгами на территории пятин, имели одинаковое социальное прошлое, а зачастую и общих предков с двинскими своеземцами.

С.З. Чернову в ходе исследования землевладения Волока Ламского удалось выявить лишь три рода мелких землевладельцев — Мечёвых, Ракитиных и Сукиных. Земли Мечёвых во второй половине XV—XVI в. подвергались как минимум двукратным разделам; по аналогии можно предполагать такую же предысторию вотчин Ракитиных и Сукиных. Удельный вес документированных земель в 1462—1480 гг. в трёх станах уезда составляет от 65 до 82%, что даёт основание предположить размещение на оставшейся недокументированной территории значительного количества мелких вотчинников, тем более что по подсчётам исследователя общее количество конных воинов, несших службу с Волока Ламского в 1490-х гг., составляло 650 человек¹⁴.

А.А. Селин на материалах Шелонской пятины показал, что своеземцы успешно инкорпорировались в систему поместного землевладения, и хотя значительная часть их родов пресекалась, некоторые (например, Дворецкие) сохранили свои поместья вплоть до второй половины XVII в. Селин, вопреки мнению Алексея, допускавшего «перерастание мелкого крестьянского владения» в «феодалную вотчину», считает земцев потомками новгородских житейных людей, чьи младшие братья лишались городских дворов и превращались в крестьян¹⁵.

Таким образом, подавляющая часть представлений о земцах основана на анализе новгородских по происхождению источников, что не может не исказить исследовательскую оптику. В данной статье мобилизован и заново проанализирован материал не только по новгородским землям, но и по землям, прилежавшим к Новгороду с запада и юга и в эпоху раннего Средневековья составлявшим один регион: от Полоцка до Обонежья¹⁶. В качестве контрольного привлекается материал по Северо-Восточной Руси и Двинско-Вятскому региону.

В новгородских частных актах XV в. земцы упоминаются как продавцы небольших земельных участков на Двине. Земец Нестор Павлов продал пожни за 190 белок; коллектив сябров из шести земцев продал две трети своих рыболовецких угодий на Лопшенге «одерень» за 240 белок; земец Ларион Мишутин

¹² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 194.

¹³ Васильев Ю.С. К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв. // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 14; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 76; Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XIV—XV вв. Л., 1986. С. 49—51.

¹⁴ Чернов С.З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 188, 315, 326, 330, 335.

¹⁵ Селин А.А. Исследования по истории средневековой Руси: к 80-летию Ю.Г. Алексея. М.; СПб., 2006. С. 320—331.

¹⁶ Общность судеб населения этого региона исчерпывающе отражена в новгородской берестяной грамоте последней трети XI в. № 590: «Литва встала на Корелу» (Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 228).

продал «лоскут земли» игумену Николаевского Чухченемского монастыря¹⁷. В актах, относящихся к территории Обонежья, термин «земец» не употребляется, однако феномен мелкой непривилегированной вотчины, принадлежавшей местным по происхождению родам, и здесь был широко распространён. В то же время в двинских земельных актах не употребляется термин «боярин» применительно к землевладельцам (грамота 1375 г. о размежевании земель с общиной шунских смердов, в которой используется термин «челмужский боярин», признана фальсифицированной)¹⁸. Около 1440-х гг. некий Селифонт Твердиславль купил «собе и своим детем одерень и в веки» землю у не названного по социальному статусу Ивана Фомина. Купленная «земля и вода в Уносках» включала селища, пожни, «полеший» лес и водные ловища. В середине XV в. посадник Афанасий Осипович купил два участка на островах и побережье при впадении реки Выг в Белое море у Ивана Фёдорова, его брата Василия и некоего Окинфа, чей социальный статус также не определён¹⁹. Фазу раздела мелкой вотчины, состоявшей из шести «сел земли», показывает раздельная братьев Василия и Маковея на «живот и отчину» их отца Прокофия. Вотчину разделили на равные доли — по три «села земли», каждое из которых представляло собой «седень» того или иного крестьянина. Раздел запротоколировали как вечный и не подлежащий переделу: «а тои дел им водерень»²⁰.

После инкорпорации Новгорода в состав единого Русского государства термины «земец» и «своеземец» применительно к мелким новгородским вотчинникам употреблялись в качестве синонимов. Будучи податной стратой, своеземцы обладали ярко выраженным качеством, отличавшим их от соседских крестьян, иногда, как в Ильинском Иломанском погосте Корельского уезда Водской пятины в начале XVI в., называемых «чернокунцами». Своеземцы были отделены от волостных общин в тягловом отношении и вносили налоги в казну либо индивидуально, либо вместе с социальными группами некрестьянского типа, например «с городчаны с кореляны»²¹. Показательно описание в писцовой книге Водской пятины 1500 г. деревень своеземцев Городенского погоста Ореховского уезда, расположенных у истока Невы. Большая часть вотчин своеземцев находилась в совместном владении. Фамилии некоторых своеземческих родов генетически восходили к местным топонимам и гидронимам: шестеро Лепесурских владели деревней Лепесурья на речке Лепесурье, а семеро Охтинских — деревнями с корневым названием «Охта»: «Охта Минино», «деревня на Охте ж», «деревня на Охте ж на усть Лубны»²². В одной из своеземческих вотчин, принадлежавшей шести совладельцам, зафиксированы семь дворов поземщиков — зависимых людей, аналогичных псковским котечникам. Как и котечники, поземщики «живут промыслом ловлею», причём в фискальном отношении они отделены от волости: «тянут потугом с городчаны»²³. Своеземцы Кирьяжского погоста также тянули «с городчаны во все потуги в городок

¹⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). С. 258, 224—225, 209.

¹⁸ Там же. № 284. С. 285; *Валк С.Н.* Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 314.

¹⁹ ГВНП. № 288. С. 289—290; № 286. С. 288—289.

²⁰ Там же. № 324. С. 310.

²¹ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. С. 71—72.

²² Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868. Стб. 827—828.

²³ Там же. Стб. 830—831.

Корелу»²⁴. Но более распространённой практикой являлось владение земцами деревнями с половниками: в Городенском погосте в волостке Фёдора Михайлова сына Зуева помимо «большого» двора, где жил «сам Федко с детьми», находился двор, где жили «половники их Пахомко Тимошкин да Фомка Ивашков»²⁵. По данным Осьминского, в новгородских пятинах на рубеже XV—XVI вв. насчитывалось 953 своеземческих владения с 3 275 обжами²⁶.

В составе страты земцев выделялись владельцы городских дворов — жители Яма, Ладоги, Корелы, Орешка и Русы. На посаде Корелы зафиксированы дворы «своеземцев корельских», чьи основные владения были сельскими, и с «городчанами» тянули в оброк лишь жившие на этих дворах дворники; на посаде Орешка — «лучших своеземцев». Городские своеземцы, как правило, тянули «в оброк з городчаны»²⁷. Фрагмент описания Русы в писцовой книге Шелонской пятины 1497/98 г. включает данные о городских дворах 12 своеземцев, чьи владения облагались оброком, а арендаторы своеземческих дворовых мест платили владельцу «позем»²⁸. Ещё Е.З. Вулих отметила, что налоги с дворов своеземцев Русы были меньше, чем с обычных чёрных дворов, предположив, что разница компенсировалась обязанностью службы своеземцев. Если принять это предположение, то включение русских своеземцев в службу следует отнести к более раннему времени, чем 1520-е гг.

Новый порядок вещей отразился во введённых в научный оборот К.В. Барановым фрагментах писцовых книг своеземческих земель («старые писцовые земетцкие книги») Бежецкой пятины 1525/26 г. и Шелонской пятины 1526/27 г. Эти выписки из дел Поместного стола Новгородской приказной избы содержат описания восьми волосток земцев в разных погостах, которые свидетельствуют, что, во-первых, земцы продолжали владеть своими волостками на вотчинном праве (имели место случаи неразделённого владения земцев-«братаничей» по половинам либо третям деревень); во-вторых, обороты «за земцом» обозначают их статусное уравнивание с помещиками, подразумевавшее несение службы по неизвестной нам разрядке²⁹.

На данный момент неизвестно время, когда своеземцев включили в состав поместных корпораций; возможно, в Бежецкой пятине, территориально близкой к княжествам Северо-Восточной Руси, это произошло раньше. Насколько это заметно по сохранившимся источникам, своеземческое землевладение в Новгородской земле проделало эволюцию от мелкой вотчины к поместью на протяжении второй четверти XVI в. Ещё в 1525/26 г. в Бежецкой пятине земцы были мелкими вотчинниками, владевшими как родовыми, так и приобретёнными землями. Земец Максим Алексеев с детьми и племянниками совместно владел пятью деревнями, а индивидуально — обжой пашни и пожней, которые заложил ему, а затем «ступился» Офоня Трофимов «в рубле ноугородцком»³⁰.

Феномен земцев был широко распространён и в соседнем Пскове, социальный строй которого обнаруживает множество общих черт со «старейшим

---

²⁴ Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 11. М., 1851. С. 139.

²⁵ Там же. С. 137.

²⁶ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. С. 338.

²⁷ Временник Императорского московского общества... С. 4—5.

²⁸ Новгородские писцовые книги. Т. V. СПб., 1905. С. 202—203.

²⁹ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 3. М., 2001. С. 1—4.

³⁰ Там же. С. 1.

братом» Новгородом³¹. В то же время при изучении общественных отношений в Псковской земле исследователи сталкиваются с их глубоким своеобразием. Так, в конце XV в. в летописях упоминаются смерды, исчезнувшие в других русских землях ещё в XIV в., а само землевладение является мелким и раздробленным. А.Д. Горский пронищательно заметил, что из псковских по происхождению источников «создаётся впечатление о значительной архаичности общественного строя в Псковской земле по сравнению с остальной Русью, в том числе с соседним Новгородом, о какой-то запоздалости Пскова в развитии феодальных отношений и социально-экономической жизни псковичей»³². Действительно ли Псков эпохи независимости был «феодализирующимся захолустьем», или, быть может, дело в особенностях источников, язык которых исследователи слишком часто стремятся истолковать буквально? Такое явление, как совладение земель, находившее выражение в «вопчих» поместьях и землевладении совладельцев-«сябров», не обязательно является признаком архаичности социального строя: в Бургундии, развитом западноевропейском регионе, также были распространены совладельцы — «consortes»³³.

Тем более не являлся признаком отсталости Пскова по сравнению с Новгородом порядок, при котором земли продавались и наследовались «в одерень». Ю.Г. Алексеев полагает, что к XV в. в крестьянской среде сохранялись лишь остатки старого неписаного права всей родни на имущество родича³⁴. Этот вывод представляется излишне категоричным, ведь даже в XVI в. в боярско-княжеской среде действовало право родового выкупа. В Псковской земле, как и в Новгороде, в XIV—XV вв. право выкупа реально действовало и распространялось на выкуп имущества как у дочерей (сестёр), так и их новой родни по мужьям, т.е. было направлено на предотвращение перехода имущества в другой род или в монастырь. «В одерень» — это не просто полная и безусловная собственность, как считала Л.М. Марасинова³⁵, а выражение воли завещателя, не желавшего возврата собственности в его род. По всей видимости, все земли, переданные «в одерень», в дальнейшем оказались в руках монастырей. Такая форма владения предусматривала возможность полного и безусловного распоряжения землёй вне зависимости от воли родственников и блокировала действие права родового выкупа.

Передача земли «в одерень» зафиксирована в 21 псковском поземельном акте XIV—XV вв. Марасинова констатировала факт участия представителей правящей элиты (княгини и сестры посадника Акилины, посадника Максима, посадничьего сына Карпа, княжеского зятя Якима) в земельных сделках³⁶. Однако среди участников сделок преобладали непривилегированные землевладельцы, называвшие свою землю «отчиной», «селом земли» или чьим-либо «седеньем». Размеры земельных владений, порядок их отчуждения («в одерень»), наличие изорничьих или крестьянских «седений» в их волостках, факты одновременного владения ими городскими участками убеждают, что перед

³¹ Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 344—363.

³² Горский А.Д. Рец. на кн. Ю.Г. Алексеева «Псковская судная грамота и её время» // История СССР. 1982. № 1. С. 167.

³³ Грацианский Н.П. Бургундская деревня в X—XII столетиях. М.; Л., 1935. С. 143—144.

³⁴ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и её время. Л., 1980. С. 98.

³⁵ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 125—126.

³⁶ Там же. С. 55, 62, 64, 72—73.

нами представители непривилегированной землевладельческой страты, именовавшейся в других источниках «земцами».

Псковские земцы упоминаются в летописи с 1431 г. как вотчинники, владевшие землями под Гдовом³⁷. Однако, судя по фрагменту писцовой книги Шелонской пятины 1497/98 г., их волостки были распространены повсеместно. В описание Прибужского погоста включены данные о семи земцах «в Псковской земле за рубежом», где на территории двух губ им принадлежали волостки, тянувшие «судом и всеми пошлинами ко Пскову по старине»³⁸. Инкорпорация Пскова в состав единого национального государства привела к массовому «выводу» местной землевладельческой элиты и непривилегированных землевладельцев, среди которых наверняка были земцы. Об этом свидетельствует летописная запись, посвящённая осаде Смоленска. В состав участвовавшего в зимней кампании декабря 1512 — февраля 1513 г. псковского отряда входили и «земцы псковския, не сведены с своих отчин». Это доказывает, что значительная часть земцев с вотчин была «сведена»³⁹.

В расспросных речах псковских перебежчиков от 12 сентября 1534 г. земцы упомянуты дважды. Описывая размещение русских войск в приграничных крепостях, информаторы отметили: «А на Вельи (в должности наместника. — В.А.) Тимофей Буторлин, а при нем 30 земцов таковых, которые тех не могут на службу ехать». Когда после бегства князей С. Бельского и И. Ляцкого в Литву в Русском государстве началось вторичное приведение к присяге населения, в Псков прибыл М.П. Головин, который приводил к присяге наместников, «и детей боярских пскович, и земцов»⁴⁰. Упоминание земцев в допросах псковских перебежчиков 1534 г. свидетельствует, что полоцкие администраторы прекрасно понимали суть этого феномена, отождествляя его, видимо, с полоцкими «земьями». Псковские земцы в качестве сопровождающих Петра Фрязина упоминаются в деле о его бегстве⁴¹. В царской грамоте на Себеж от 12 мая 1544 г. предписывается присутствовать на посольском съезде «псковским помесчиком и земцом» в количестве 60—70 человек⁴². Упоминание земцев как служилых людей наряду с помещиками убеждает в том, что по крайней мере к 1530-м гг. они были включены в систему военной службы и, возможно, поверстаны своими же вотчинами.

В наиболее ранних сохранившихся писцовых книгах Псковской земли 1580-х гг. следы земецкого землевладения отсутствуют. По всей видимости, «выводы», осуществлявшиеся в 1560—1570-х гг., уничтожили этот вид земельной собственности, а участь самих земцев, как показывают фрагментарные данные, могла быть различной. В сотной грамоте на вотчину Псково-Печерского монастыря 1566 г. имеется описание трёх деревень, с большой долей вероятности принадлежавших земцам: «Дер. Обросово, сведенаго Сеньки Тростенского, во дв. Микита Лукин; дер. Федково, во дв. Дениско Васильев Татаринов; дер. Бабино Каменище, во дв. Сава Семенов Тростенской»⁴³. Из фрагмента следует,

³⁷ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 39.

³⁸ Новгородские писцовые книги. Т. V. С. 15.

³⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 97.

⁴⁰ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. 6. Радзивилловские акты. М., 2002. № 46. С. 115—116.

⁴¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841. С. 202—204.

⁴² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 241.

⁴³ ОР РГБ, ф. 256 (Рум), д. 55, л. 20 об.

что сын «сведенного» Семёна Тростенского Савва к 1566 г. стал крестьянином, хотя его отец вполне мог иметь статус земца. Деградация земца до крестьянина являет собой красноречивый пример социальной мобильности, обусловленной высоким статусом военной службы и невозможностью соответствовать возраставшим требованиям к ней.

В соседнем с Псковской землей Пусторжевском уезде наличие земецкого землевладения доказывается единичным упоминанием земца в указной грамоте от 13 сентября 1555 г. Однако, судя по так называемой Записи о Ржевской дани 1479 г., корпорация земцев в Ржеве Пустой сложилась из потомков «ржевитинов» — непривилегированных землевладельцев, обладавших «челядью невольной» и дворами, в которых сидели зависимые от них «закладни» и «третники»⁴⁴. К середине XVI в. земцы Пусторжевского уезда осмыслялись как часть поместной корпорации: в начале 1550-х гг. писцы Истома Корчев «с товарищи» отказали земли в черносошных деревнях и пустошах, находившихся на льготе, наряду с пусторжевскими помещиками «земцу Данилку Кирилову, а от черных деи деревень тех лготных деревень, селищ и починков сошным писмом не росписали»⁴⁵. В писцовых книгах 1580-х гг. земцы уже не упоминаются, что также стало следствием «выводов» местных землевладельцев в 1570-х гг.

Крайне интересный случай сохранения непривилегированного землевладения отразился в Торопецкой писцовой книге 1540 г. Р. Смит и В.Б. Кобрин отметили, что оставшиеся в уезде после его инкорпорации в состав России бояре «именовались “семцами” (аналогично, вероятно, новгородским своеземцам)»⁴⁶. Однако два случая употребления этого слова в писцовой книге убеждает в том, что единственной семьёй землевладельцев, которые могут быть отождествлены с бывшими земцами, являются «семцы» Роздеришины — шестеро братьев, совместно владевших деревнями, починками и рыбными ловлями в Збучской переваре. Формально их земли уже не отличались от поместных, числясь «за» землевладельцами, а социальный статус одного из прежних землевладельцев эволюционировал в имя собственное: «Дер. Смолкова ж Семец Зятева: во дворе»⁴⁷.

О характере непривилегированного землевладения в Вятской земле можно высказывать лишь предположения, но социальная группа, близкая по статусу к земцам, в Вятке имела. Её судьба была решена, по-видимому, гораздо раньше, чем в других землях. В результате похода на Вятку в 1489 г. своих родовых земель лишились «большие вятчане» («земские люди»), которых летописец называет так по причине невозможности подобрать точный термин. «А вятчан болших и з женами, и з детьми изведоша, да арских князей, и таки возвратишася; и князь великий вятчан земских людей в Боровске да в Кременце посади»⁴⁸. В Устюжской летописи существенно конкретизируется мероприятие по «осаживанию» вятчан в Боровске и Кременце: «Вятку всю развели, и отпустили их к Москве мимо Устюг и з женами, и з детми... [великий князь]... иных вятчан пожалова, надавал поместья в Боровску, и в Олексине, и в Кременце. И писалися вятчане в слуги великому князю»⁴⁹. Депортации землевла-

⁴⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XXVII. СПб., 1910. Стб. 464—477.

⁴⁵ Архив СПб ФИРИ, кол. 2, кн. 23, л. 94 об.—96.

⁴⁶ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 128; Smith R.E.F. Peasant Farming in Muscovy. Cambridge, 1977. P. 169.

⁴⁷ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. М., 2004. С. 502, 540, 559—561.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 154.

⁴⁹ Там же. Т. 37. Л., 1982. С. 96—97.

дельцев с территорий присоединяемых земель зависели не от размеров их земельных владений и статуса, а от прогнозируемой опасности их как носителей местного сепаратизма. В грамоте 1588 г. вятскому Успенскому Трифонову монастырю изложена владельческая история пожалованных обители в 1585/86 г. земель: «А прежд деи того даваны были те три деревеньки в доход намеснику, а до намесников бывали те три деревеньки вятцких сведенцов, а после сведенцов владели деи теми деревеньками волосные люди Дениско да Елизарко Балезины да Мартинко Костин»⁵⁰.

Феномен непривилегированного землевладения имел место и в западно-русских землях, и там у этого явления не было будущего, невзирая на отсутствие практики «выводов» в Великом княжестве Литовском. В Полоцкой земле мелкие землевладельцы, типологически близкие земцам, носили наименование «земян», «одноземцев» или «земцев». А.Л. Хорошкевич усматривала типологическое сходство полоцких земцев с польскими «владыками» и новгородскими своеземцами, отмечая и существенные различия: почти половина новгородских своеземцев Водской пятины использовали труд крестьян и холопов, а около трети не жили в своих землях, проживая в городах. Исследовательница полагала, что использовавшийся в полоцких документах XV—XVI вв. термин «земцы» обозначал издавна живущего в определённой местности человека, подобно великорусскому термину «старожилец». Однако продажный лист 1510 г., зафиксировавший продажу группой земцев их «отчизны», вопреки мнению исследовательницы, не даёт оснований для однозначной трактовки: дважды употреблённый в тексте грамоты термин «земцы» носит отчётливо выраженный социальный оттенок.

Понятие «одноземец», трижды употреблённое в продажной грамоте на село Хотьевичи 1511 г., также обозначает людей определённой социальной категории. Хорошкевич предположила, что Хотьевичи «назвали себя» одноземцами, потому что были коллективными собственниками одного участка земли, а на самом деле, как сказано в подтвердительном королевском листе 1551 г., являлись «слугами путными». Запись в подтвердительном листе не носит однозначно определённого характера; наряду с определением «слуги путные» к Хотьевичам применено более общее определение «разные особы», что не позволяет доверять этим характеристикам⁵¹. Хорошкевич показала, что земляне упоминаются всего в шести полоцких документах; в трёх из них зафиксированы сделки продажи землянами своих земель, на основании чего исследовательница сделала вывод о «быстром сокращении этой прослойки». Её аргументация может быть усилена ещё и тем, что грамота 1505 г. фиксирует сделку продажи земли не землянами, а путными слугами земцами, а грамоты 1482 и 1487 гг. — покупку и продажу земли обычными крестьянами⁵².

Как свидетельствуют данные уставной грамоты 1549 г., социальные группы с особым статусом существовали и в Рыльске. В грамоте наряду с «рыленами детьми боярскими» упоминаются «севрюки» и «дети боярские залешане, которые в Рыльску службу служат»⁵³. Это группы могли быть как территориаль-

⁵⁰ РГАДА, ф. 281 (Хлынов), д. 3(14166), 1588 г.

⁵¹ Полоцкие грамоты... Т. 1. М., 2015. № 461. С. 630; № 473. С. 644—645; Т. 2. С. 292—293.

⁵² Там же. Т. 2. С. 179—180, 190—191, 398; Т. 1. № 249. С. 391—392; № 266. С. 414—415; № 391. С. 525.

⁵³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Т. IV. М., 2008. С. 397—400.

ными, так и социальными по своему характеру, чей генезис мог быть связан с непривилегированными землевладельцами Северщины.

Земцкое землевладение к середине XVI в. составляло существенную часть земельного фонда страны и как таковое упоминалось в числе 12 видов собственности в царских вопросах к Стоглавому собору 1551 г. В 12-м вопросе предписывалось послать писцов «писать и сметить... земцкие земли всякие»⁵⁴. Однако в действительности земцкое землевладение таяло на глазах: во второй половине XVI в. земцы исчезли в Торопце, Пусторжевском уезде, Псковской земле, сливались с черносошными крестьянами на Двине, ещё раньше, видимо, исчезли на Вятке.

Иначе сложилась судьба земцкого землевладения в новгородских пятинах. В Шелонской пятине в 1550/51 г. земцы по-прежнему жили компактными сообществами на территории отдельных погостов, но совместно владели деревнями уже на поместном праве. Так, четверо двоюродных братьев Безгачево владели тремя усадищами, находившимися в составе трёх деревень; на одной обже сидел не поименованный зависимый человек, 4,5 обжи земцы пахали «на себя» и 4 запустевших обжи — наездом⁵⁵. «Братские» семьи своеземцев в Обонежской пятине фиксируются в писцовой книге 1563 г., но характер их землевладения существенно изменился. Все земцы Обонежской пятины к 1563 г. владели не своими старыми деревнями, а бывшими «купетцкими» землями и боярщинами. В Воскресенском Важенском погосте в руках земцев оказались деревни из «ларионовской боярщины Понкротова да офремовской Ондреева сына Мишнева». Эти деревни первоначально находились в качестве оброчных также за земцами Гридей и Антоном Васильевыми детьми Тяполкова и Андреем Демидовым сыном Власьева. Впоследствии земец Семён Иванов Аврамов получил их «по царевой и великого князя грамоте к старому... поместью», что предполагает распространённую практику закрепления за земцами их прежних вотчин на поместном праве, расширения их владений из состава земцких⁵⁶.

Совладельцами своеземческих земель были порой несколько братьев, как обстояло дело с шестью деревнями в Важенском погосте, находившимися в руках Худяка, Пятого, Томилка, Васюка и Сурья Лениных детей Пантелеева⁵⁷. В зависимости от земельной обеспеченности земцы либо несли «службу большую», как земец Шелонской пятины Ф.Ф. Должицкий в 1571 г., получая «подмогу» от сотоварищей, либо сами выплачивали «подмогу» служилым земцам⁵⁸. Итак, в середине XVI в. всё ещё значительную часть новгородских помещиков составляли земцы — потомки прежних непривилегированных землевладельцев, в том числе житых людей республиканской эпохи. Почему новгородские земцы в отличие от своих соседей оказались включены в состав поместных служилых городов, сохранив при этом особый социальный статус, и когда это произошло?

Ответ удалось обнаружить в трёх документах: в двинском акте о земле, принадлежавшей некоему Тируну, указной грамоте в Великий Новгород от 28 сентября 1555 г. и столбцах Поместного приказа по Новгороду за 1600 г. Среди двинских актов ещё в XIX в. вызвал дискуссию документ XV в. — купчая

⁵⁴ Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 579.

⁵⁵ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6. М., 2009. С. 59—60.

⁵⁶ РГАДА, ф. 137 (Олонец), кн. 1, л. 154 об., 157 об.

⁵⁷ Там же, л. 161 об.

⁵⁸ Новгородские писцовые книги. Т. V. С. 539—542.

Тируна на пожню на Нальеострове, которую он приобрёл у Нестора Павлова сына. Обычная купчая, согласно которой Тирун купил землю «одернь себе и своим детям», содержала уникальную, не встречающуюся в других купчих клаузулу: «А буде Тируну не до земли, ино мимо земца не продати»⁵⁹. Очевидно, что в купчей содержалось обязательство покупателя, запрещающее продажу земли «мимо земца», представлявшее собой «земский обычай». В этой практике разные исследователи усматривали либо сословный, либо бытовой феномен. В то время как П.А. Соколовский сделал вывод о существовании особого замкнутого сословия земцев, которые удерживают в своих руках землю, А.Я. Ефименко предположила, что под анонимным «земцем» следует понимать продавца земли из местных жителей⁶⁰. Вряд ли применительно к земцам можно говорить о сословии, но позднейшие новгородские документы скорее опровергают предположения Ефименко.

В указной грамоте новгородским дьякам от 28 сентября 1555 г. излагается челобитная новгородского помещика С.Н. Чуркина, который совместно с тремя братьями во время поместного верстанья 1538/39 г. получил в придачу к своему поместью 10 беж земли. Во исполнение этого решения до 1540/41 г. новгородские дьяки Вязга Суков и Ишук Бухарин⁶¹ «отделили было им в тое придачу из земецких поместей девять беж, и те деи у них земецкие поместья взяты и отданы назад земцом, по нашей же грамоте»⁶². Из указной грамоты следует, что отделённые помещикам до 1540/41 г. земецкие земли позднее были возвращены прежним землевладельцам в соответствии с царской и, видимо, указной грамотами. Можно было бы предположить уникальность этого случая, но исследуемый далее документ убеждает в существовании определённого порядка наследования земецких земель.

В одном из столбцов Поместного приказа рубежа XVI—XVII вв. содержится дело «о земецких землях», возникшее по челобитной новгородского земца Игнатия Соткуева, который в 1600 г. претендовал на деревню Солевнево и заявил, что «Лопата Редров ту деревню Солевнево за собою написал у приправочного писца у Матфея у Блаженкова, умышляя воровством, а дачи и ввозные грамоты у него на ту деревню не бывало, да и потому что в верстальных книгах боярина князя Дмитрея Ивановича Курлятева с товарищи написано: по государеву указу неземцу сыну боярскому без государевы грамоты земецких земель давати не велено, а которых земцов не станет бездетных, и те их земли давати земцом ж, которой в службу пригодитца, да и запись поручную по земце по Игнашке по Соткуеве в службе велели взяти, да те обыски и отдельные книги велено прислати в Новгород»⁶³.

Д.И. Курлятев (Шкурлятев) — известнейший военный и государственный деятель 1530—1550-х гг. из рода князей Оболенских. Вопрос о времени составления им «верстальных книг» непосредственно связан с его служебной деятель-

⁵⁹ ГВНП. № 242. С. 258.

⁶⁰ *Лешков В.* Русский народ и государство. М., 1858; *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 10—11, 32; *Ефименко А.Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. М., 1884. С. 196—197.

⁶¹ По данным М.М. Крома, Суков и Бухарин совместно занимали должности новгородских дьяков по меньшей мере с 1539/40 по 1540/41 г. (*Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 818, 847).

⁶² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846. С. 90.

⁶³ РГАДА, ф. 1209 (Столбцы по Новгороду), д. 43289/1566 (1600 г.), л. 20.

ностью, значительную часть которой составляло участие в военных действиях. Курлятев занимал должность воеводы в кампаниях октября 1531 г., августа 1533, июля 1534, ноября 1534, апреля 1536, июля и сентября 1537, июня 1539, июля 1540, декабря 1541, мая 1548, марта 1549, 1550, марта 1553 г.⁶⁴ Не менее двух раз Курлятев привлекался к службе в качестве наместника: в апреле 1536 г. он вместе с кн. В.В. Ушатого находился на наместничестве в Старой Руссе, а в 1551/52 и 1552/53 гг. вместе с И.Г. Морозовым был наместником в Новгороде⁶⁵.

В январе 1555 г. Курлятев в числе семи бояр, окольничего и постельничего принял Приговор о татебных делах, а 5 мая 1555 г. получил для исполнения «память» с формулировкой царского указа об установлении месячного срока в правеже долгов; в составе свиты царя Курлятев находился в июле 1555 и в июне 1556 г.⁶⁶ Существенным ориентиром в датировке верстальных книг кн. Д.И. Курлятева является запись писцов в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. устного известия земцев Васюка Тяполкова «з братьею», которые сказали, что владеют починками с тех пор, «как их верстали на Москве царевы великого князя бояре князь Дмитрий Иванович Курлятев, да окольничей Дмитрией Ондреевич Чеботов, да дьяк Дементей Слугин лета 7065-го»⁶⁷.

Верстанье новгородских земцев различных пятин могло идти годами, и если земцы Обонежской пятины были поверстаны в 1556/57 г., то предпочтительной датой составления «верстальных книг» по другим пятинам тем же кн. Д.И. Курлятевым является максимально близкий к этой дате 1554/55 г. Видимо, именно в 1554/55 г. был издан царский указ об исключительной раздаче выморочных земецких владений годным к службе земцам, и были составлены первые «верстальные книги» новгородского наместника «боярина князя Дмитрия Ивановича Курлятева», упомянутые в указной грамоте от 28 сентября 1555 г. Принимая в расчёт законодательную практику в Русском государстве XVI в. — апелляции к прежним «добрым» и «поисшатавшимся» обычаям — царский указ 1554/55 г. опирался на бытовавшее в Великом Новгороде и его землях обычное право, которое отразилось и в купчей Тируна XV в., и в распоряжении новгородских дьяков Сукова и Бухарина, отданном после 1540/41 г. Очевиден также региональный характер царского указа 1554/55 г., относившегося к землям Великого Новгорода, но не распространявшегося на другие уезды, где земецкое землевладение исчезло бесследно. Вне зависимости от намерений верховной власти царский указ законсервировал земецкое землевладение в новгородских пятинах и привёл к образованию особого чина «земцев», существовавшего в составе новгородского поместного дворянства до второй половины XVII в.

---

⁶⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 80, 83, 85, 90, 91, 93, 96, 103, 118, 124, 139.

⁶⁵ Там же. С. 90; Описи царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 80—81.

⁶⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. С. 34—35.

⁶⁷ РГАДА, ф. 137 (Олонек), кн. 1, л. 159 об.